DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-74-89
УДК94 : 316.346.2 – 055.2 (470.56)

ЖЕНЩИНЫ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЭПОХИ

Д. А. Сафонов
Тамбовский государственный технический университет
ул. Советская, д. 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Россия

Аннотация
Введение. Поколение «революционного перелома» включает отдельные социальные группы, вовлеченные, как и прочие, в единый процесс – в данном случае – революции и гражданской войны, но и со своими представлениями. «Женщины и Октябрьская революция» – тема с богатой историографией, определенными традициями и сложившимися подходами к изучению женского вопроса. Большинство авторов сосредотачивали внимание на государственной политике: советские констатировали полную успешность реализации задуманного, зарубежные более критично, высказывая сомнения в успехе, современные авторы отмечают сильные и слабые стороны процесса, региональные особенности. Причина подобного интереса – в немалой степени в источниковедческих возможностях. Успешность разрешения женского вопроса доказывалась на судьбах и свидетельствах тех, кому удалось подняться благодаря новому социальному лифту. Условные «неудачницы» внимания не привлекали, хотя они составляли большинство. Между тем, наиболее интересный аспект проблемы, по нашему мнению, – взгляд на нее через восприятие самих женщин, через источники личного происхождения. **Материалы и методы**. Нами реализован исследовательский проект собирания мемуаров периода революции и гражданской войны в одном отдельно взятом регионе – в данном случае Оренбургской области. В итоге установлено 1364 автора, из них женщин – 137 чел. (10%), написавших 239 текстов (8,4% от общего числа). **Результаты.** Их анализ показывает, что в едином поколении очевидно выделяются два возраста: рожденные в конце XIX в. (1890-е годы) и в начале XX в. Общей у них была индифферентность к политике, разрушение которой произошло под влиянием социальных катаклизмов и соответствующей политики коммунистов. Различие между ними определяется средой, в которой они формировались. Женщины первой группы вырастали в традиционных условиях, воспринимая как единственную данность свою судьбу, будущее, которое было исторически предопределено: так его видели девушки, так видели их будущее мужчины. Вторую группу составляли те, кто не успел испытать на себе прежние реалии, не работали при «старых» порядках. Их можно назвать «комсомолками»; они формировались в экстремальных условиях революции, разрыва со старым, с прошлым, с новыми ценностями, с иными правилами. Огромное влияние на женское сознание этого периода оказывали мужчины. Существовавшее «мужское» общество по своей сути не изменилось, взгляд на женщин «свысока» на местах был свойственен и коммунистам и советским работникам. Качественные перемены были напрямую связаны с иной моралью подрастающего поколения – идеи равенства были распространены в комсомольской среде, и потому в 1930-х гг. возможности женщин ощутимо расширились, хотя на практике пережитки в общественном сознании продолжали существовать.

Ключевые слова: поколение «революционного перелома», революция, гражданская война, мемуары, женщины, «мужское» общество, женский вопрос, деформация традиционных представлений

Для цитирования: Сафонов Д.А. (2024). Женщины в революции и гражданской войне:их восприятие эпохи // История: факты и символы. № 4 (41). С. 74-89 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-74-89
Статья поступила: 15.08.2024
Статья принята в печать: 20.10.2024
Статья опубликована: 11.12.2024
Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22 -18 – 00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132/
©Сафонов Д., 2024

WOMEN IN REVOLUTION AND CIVIL WAR: THEIR PERCEPTION OF THE ERA

D. A. Safonov
Tambov State Technical University
st. Sovetskaya, 106/5, room 2, Tambov, 392000, Russia

Abstract
Introduction. The “revolutionary turning point” generation includes different social groups, involved in one common process: revolution and civil war – but have their own ideas as well. “Women and the October Revolution” is a topic with rich historiography, certain traditions and established approaches to the study of women's issues. Most authors were focused on public policy: Soviet authors stated the complete success of the plan implementation, foreign ones were more critical, expressing doubts about any success, while contemporary authors note the strengths and weaknesses of the process and its regional characteristics. The reason for this interest is, to a large extent, the source of study capabilities. The success of resolving the women's issue was proven by the destinies and testimonies of those who managed to make a career in the new changed environment. The so-called “losers” did not attract any attention, although they made up the majority. Meanwhile, the most interesting aspect of the problem, in our opinion, is the look at it through the perception of women themselves and the sources of personal origin. **Materials and methods.** We have implemented a research project of collecting memoirs from the period of revolution and civil war in one particular region – in this case, the Orenburg region. As a result, 1364 authors were identified, 137 of which were women (10%), who wrote 239 texts (8.4% of the total number). **Results.** The analysis shows that in a single generation two ages were notably distinguished: those who were born at the end of the 19th century (1890s) and at the beginning of the twentieth century. What they had in common was indifference to politics, the destruction of which had occurred under the influence of social cataclysms and the corresponding policies of the communists. The difference between them was determined by the environment in which they had been formed. Women of the first group grew up in traditional conditions, perceiving their destiny as the only given, a future that was historically predetermined. The second group consisted of those who did not have time to experience the previous realities and did not work under the “old” regime. They can be called “Komsomol members”, as they were formed in the extreme conditions of the revolution and experienced a massive break with the past, new values and different rules. Men had a huge influence on women's consciousness during this period. The existing “male” society in its essence had not changed; a dismissive attitude towards women was characteristic of both communists and Soviet workers. Qualitative changes were directly related to the different morality of the younger generation - the ideas of equality were widespread among the Komsomol, and therefore, in the 1930s women's opportunities have significantly expanded, although in reality relics of the public consciousness continued to exist.

Keywords: generation of “revolutionary turning point”, revolution, civil war, memoirs, women, “male” society, women’s issue, deformation of traditional ideas.
For citation: Safonov D.A. (2024). Women in revolution and civil war: their perception of the era In-*History: facts and symbols,* 4 (41), 74-89 https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-74-89
Received: 15.08.2024
Revised: 20.08.2024
Published: 11.12.2024
Acknowledgments: The study has been realized with support of Russian Science Foundation grant no. 22-18-00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132
©Safonov D., 2024

1. Введение

Проблема «женского вопроса» имеет богатую историографию. Для советской было характерно комплиментарное повествование о полной успешности разрешения его в советской стране[1]. На современном этапе исследования ведутся в нескольких направлениях, что объясняется не только выбором исследователей, но и многовариантностью содержания самого понятия «женский вопрос», что, в свою очередь, позволяет затрагивать разные аспекты казалось бы одной проблемы[2]. В первую очередь, это государственная и партийная политика по созданию первой советской женской гендерной модели, а также реализация этой политики на региональном материале, с попытками найти региональные особенности на материалах Зауралья (А. Я. Тарасюк)[3], Южного Урала (И. Г. Сытник[4], К. А. Моргунов [8]), Башкирской АССР (Г. Ю. Султангужина)[5] и других регионов. Если брать регион Южного Урала, то здесь изучались еще и особенности в работе государственных и партийных органов среди сельского женского населения, в том числе среди женщин-казачек; представительниц мусульманских народов (К. А. Моргунов), роли и места женщин нерусских национальностей Башкирской АССР в социально-экономической и общественно-политической жизни в 20 – 30-х гг. XX в. (Г. Ю. Султангужина)). Особую группу составляют работы по работе т.н. «матмлада» - деятельности государственных структур регионального уровня по охране материнства и младенчества (А. Я. Тарасюк, Л. Ю. Комплеева, П. П. Щербинин [12; 6; 15]).

В принципе в схожих направлениях работали и работают зарубежные исследователи: женское движение, гендерная история, новации советской власти (женотделы). Суммарно все они также подпадают под самое общее понятие «женского вопроса». Самой объемной книгой считается труд Ричарда Стайтса (Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860-1930. Princeton; N. J., 1978) [11]. Достаточно большие хронологические рамки естественным образом подводят к выводу, что к 1930 г., условно говоря, произошло логическое завершение развития упомянутого движения за семьдесят лет. Редактора, готовившие русскоязычное издание, назвали книгу «классикой темы и жанра», «вводящей» «тему русского женского движения и русского феминизма» в мировую историографию.

Интерес западных авторов также можно определить как интерес к «женскому вопросу», что позволяло давать свое наполнение многоуровневого понятия. Уместно уточнение, что «во-

[1] Напр.: Чирков, П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М. : Мысль. 1978.
[2] Напр.: Алферова, И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма : первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / СПб. 2011.
[3] Тарасюк, А. Я. Социальная политика Советского государства и жизнь женщины 1918-1929 гг. : на материалах Зауралья : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Тюмень. 2004.
[4] Сытник, И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале : 1918-1930 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 Оренбург. 2006.
[5] Султангужина, Г. Ю. Политическое и социально-экономическое положение женщин Башкирской АССР в 20-30-х гг. XX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Уфа. 2008.

прос» они трактуют даже более широко, нежели отечественные авторы: так, Гейл Лапидус, например, включала в него также половое равенство, половые роли, сексуальное равенство [21].

В целом, западными учеными история советских женщин изучалась с целью не только показать итоговую нерешенность «женского вопроса» в СССР, но и доказать нереализуемость этого (Heitlinger A. [20]) и утопичность коммунистических идеалов равенства полов (Buckley M. [17]).

На наш взгляд, выбор направлений исследования «женского вопроса» во многом предопределялся возможностями источниковой базы. Самым логичным было бы изучение его именно через женщин, как бы «изнутри», но все упиралось и упирается в источники. Показательно, что западные авторы, повествовавшие о женщинах периода революции, выбирали знаковые персоны, достаточно подкрепленные публикациями и источниками: А. Коллонтай, Н. К. Крупскую, Ларису Рейснер [18; 26; 24; 25]. Иной подход продемонстрировала Б. Э. Клементс, сосредоточившая внимание не на взглядах идеологов и программах решения женского вопроса, а на представлениях женщин о самих себе и их социальном поведении. Хороший замысел, к сожалению, не был подкреплен должным образом источниками – статья «Работницы и крестьянки в русской революции. 1917-1923» (заметим, что форма статьи несколько узка для такой темы) основывалась на публикациях из центрального партийного журнала «Коммунистка» 1920-х гг. (орган женотделов) и трех сборников мемуаров (1958-1968 гг.) [19]. В последнем случае использовались взятые оттуда биографические очерки о женщинах-большевичках – общим числом 84[1].

На современном этапе в изучении проблемы наблюдаются ощутимые подвижки, прежде всего со стороны отечественных авторов: в центр внимания ставится социализация женщин, их вовлечение в общественно-политическую жизнь [4], вхождение в традиционно мужские роли [9]. Авторы обращаются к мемуарам, полагая таковые наиболее подходящими источниками для поставленных исследовательских задач[2].

2. Материалы и методы

Источники личного происхождения наиболее удобны; они исключительно ценны тем, что только они передают информацию о внутреннем мире и взглядах мемуариста-участника событий. В то же время они весьма субъективны по сравнению с прочими видами источников, а избирательный подход позволяет создавать желаемую картину: так, советские публикации мемуаров женщин, игравших активную роль в революции, подводили к выводу о всеобщности этого явления [1; 2; 3; 4; 5]. Сходным образом - работая с мемуарами, - О. М. Морозова и Т. И. Трошина заключают, что степень революционности женщин была явно преувеличена в науке и общественном мнении [9, с. 26]. Обращает на себя внимание, что, исследователи, использующие мемуары, практически никогда не приводят статистику, количественные данные – а выборочно можно подтвердить практически любой тезис. Вероятно, только полная подборка подобных источников, выступающая как естественная выборка, могла бы дать в итоге более-менее реальную картину.

Мы собрали полную коллекцию источников личного происхождения периода революции и гражданской войны в одном отдельно взятом регионе – в данном случае Оренбургской области – юго-восточной окраине европейской части России [10]. Всего в созданном каталоге авторов 1364 чел., из них женщин – 137 (10%). Последним принадлежат 239 текстов. Инициативно

[1] «These generalizations are drawn from a study of eighty-four Bolshevik women, sketches of whose lives appear in» [19, p. 215]. С учетом времени издания сборников, а также приемов редакторской работы можно понять информационное качество материалов.

[2] Разделяя их мнение, все же не согласимся с чрезмерно высокими оценками: «женские мемуарные тексты помогают понять прошлое глубже, чем официальные документы и мужские воспоминания: никто так, как женщина, не дорожит своим прошлым, и никто не стремится так полно передать память о нем следующим поколениям» [9, с. 28].

написанных мемуаров нет; все они были как бы заказными, что, наряду с реалиями времени написания, предопределяло отбор материала и оценки. Воспоминания создавались в два основных этапа: 1927-1928 гг., когда в Оренбурге отмечали 10-летие женского движения и 1956-1957 гг., когда в общегосударственном масштабе собирались мемуары к 40-летию революции. Абсолютное большинство текстов – о событиях революции и гражданской войны. Более трети (59 текстов, 43%) – рассказы о ком-либо, кого мемуаристка знала, видела, слушала (например, на митинге). В 31 тексте (23%) повествуется о судьбе близких родственников (брата, сестры, матери, дяди, отца, мужа). Две последние позиции наиболее представительны – по 8 текстов. Семь авторов (5%) рассказывали о своем комсомольском прошлом. 11% составляют биографии (15 чел.), где события гражданской лишь часть повествования.

В середине 1950-х гг. мемуар мог стать (и становился) подкреплением и доказательством революционной активности в прошлом, с вытекающими материальными и иными преференциями, чем многие и пользовались. Но это были в основном мужчины, приписывавшие себе заслуги, создававшие красивую «революционную биографию». В «женских» мемуарах все значительно скромнее; скупость в рассказах или неопределенность в повествовании является показательным моментом. Значительная часть повествований – неконкретные фразы о большой и активной работе; в отличие от мужчин, женщины признавались в своей политической малограмотности и недостаточной активности – чего не позволил себе никто из мужских авторов. Тем более ценными являются отдельные конкретные моменты в «женских» мемуарах[1].

3. Результаты

В едином поколении «революционного перелома» очевидно выделяются два женских возраста: рожденные в конце XIX в. (1890-е годы) (назовем ее группой «А») и в начале XX в. (группа «Б»). Граница между ними достаточно ощутима, и не по количеству лет жизни. Различие между ними определяется средой, в которой они формировались. Женщины первой группы вырастали в традиционных условиях, воспринимая как единственно верную данность свою судьбу, будущее, которое было исторически предопределено: низкооплачиваемая работа с 11-13 лет, брак, много детей, домоводство и вновь низкооплачиваемая работа (по причине отсутствия профессии) в случае потери кормильца. Так видели свое будущее девочки/девушки, так видели их будущее парни/мужчины. Вторая группа – это те, кто не успел испытать на себе прежние реалии, не работали при «старых» порядках. Условно говоря, это те, кому в 1917-1918 гг. было по 14-15 лет. Еще их можно назвать «комсомолками»; они формировались в экстремальных условиях социальных катаклизмов, в разрыве со старым, с прошлым. Новые условия создавали иные ценности, иные правила. «Первыми комсомольцами … были дети рабочих, ремесленников и крестьянской бедноты, отцы которых изнурительным трудом добывали гроши для скудного содержания своих семей. Это были дети нужды, для которых забота о «Хлебе насущном» начиналась с детской поры. В те трудные дореволюционные годы каждый из подрастающих детей, с дошкольного возраста становился помощником матери с детской поры»[2].

---

[1] Порой авторы проговаривались: так, М. Н. Карягина много рассуждала о самоотверженной и эффективной работе в детском доме во время голода, о преодолении возникавших трудностей («В отгружаемых вагонах было 20-30% детишек живых»). А затем ниже она мельком упоминала, что «обыкновенно через 2-3 суток выгруженные нами дети умирали» [ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 329., л. 75]. Иной пример: в начале революции возникла идея об отмене семьи и передаче воспитания детей государству (о чем более всего позднее писали зарубежные авторы). О реализации данной инициативы в регионе косвенно упоминалось единожды: «Пришел 1920 г. Наступил голод, который нагрузил работу на наши детские дома. Если в предыдущем году матери не отдавали своих детей и последних приходилось брать чуть ли не силой, то теперь детишек везли ежедневно возами и детдома были переполнены» (выделено нами – Д.С.) [Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 7924. Оп.1. Д. 329., л. 76].

[2] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л.16.

Некоторое число тех, кто, несмотря на юный возраст, был вынужден работать в дореволюционные годы, составляет особую подгруппу в группе «Б» – они на себе испытали тяготы эксплуатации и бедного существования, но по причине юного возраста, не успели столкнуться с прочими вышеупомянутыми сложностями, но столкнулись с новыми реалиями и правилами.

Относительно происхождения и образования - несколько общих моментов. Практически все женщины группы «А», которые приводили биографические данные, указывали «правильное» рабочее происхождение; иногда не очень убедительно: «отец работал рабочим конюхом»[1], родилась «в Орске, в семье бедняка, крестьянина, бондаря»[2], «происходил из семьи рабочих» - и далее: кончила три класса сельской приходской школы (Краснощекова М. Т.)[3].

Вторая характерная черта – нищенская жизнь семьи. Преобладала одна схема с допустимыми вариациями: в семье 3-5-8, даже 12 детей, мать домохозяйка, отец зарабатывал мало[4]; а после его смерти вдова шла на низкооплачиваемую работу, а дети вынуждены были также идти на заработки. Объяснение давалось одно – виновата царская власть. Действительно, до 14 лет на предприятия не брали: «на тринадцатом году на завод не брали, на фабрику не брали»[5]. До этого возраста: с 13 лет в няньки, потом домработницей (Н. С. Цинк)[6]; прислуга (Краснощекова)[7]; с 10 лет в чужую семью «за харчи» (Чебанова Е. Д.)[8]; у богатеев чернорабочей (Сосырева-Епифанцева М. А.)[9]; домработница (Гургулова К. И.)[10]. Затем – тяжелый физический труд; разнорабочая на постройке Оренбург-Орской ж.д. (Чебанова Е. Д.)[11]; чернорабочая на ж.д. при ст. Абдулино (Н. С. Цинк); чернорабочей на ж.д.12-13 час. в сутки, «а понукали все, кому не лень» (Назарова А. И.). Повторяемость эпизода в биографиях позволяет предположить, что заработок на железной дороге был несколько выше, хотя условия труда явно хуже.

Образование. Здесь наблюдается большая вариативность: от вообще не ходившей в школу («В школе не училась, читать и писать научилась самоучкой» (Чебанова Е. Д.)), до обучения в институте (Щетинина Н. С.)[12].

Обращает на себя внимание некоторая запутанность вопроса об образовании у отдельных авторов. Так, А. Курилова рассуждала о том, что «детям простых родителей» попасть в гимназию было нелегко, а «детей крестьян в гимназию совсем не принимали»: «Да и взгляды тогда были такие, что девок учить не к чему, читать и писать умеет и хватит, сумеет сама написать письмо мужику, когда будет солдаткой, и ладно». Впрочем, далее она сообщала, что, будучи дочерью приказчика, училась во 2-й городской мещанской гимназии[13]. А. Ф. Черненко, сообщавшая о трудной жизни в семье неграмотных родителей с 12-тью детьми, вдруг упоминала,

---

[1]Архив Орского краеведческого музея (АОКМ). Д. 27/31. Л.143.
[2]АОКМ. Д. 27/31. Л.1.
[3]ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 329. Л.12.
[4]Работал только отец - ремонтный рабочий на ст. Оренбург, «получал гроши, жили впроголодь» (Назарова А. И.); **«когда было восемь [лет], заявила родителям, чтоб они меня отдали в школу. Но не тут-то было, отец объявил, что на пропитание денег нет, не то что на учение» (А. Т. Яковлева).**
[5]ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 340. Л. 29.
[6]Комарова, А. Абдулинские комсомольцы в 1919 г. // Знамя коммуны (Абдулинский район). 1957.12 мая.
[7] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 329. Л.18.
[8] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 215. Л. 1.
[9] ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 172. Л. 7.
[10]ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 340. Л.4.
[11]ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 215. Л.1.
[12] **Отец торговал дровами. В 1916 г. окончила 1 оренбургскую женскую гимназию, затем университет Шанявского, осенью 1917 г. поступила во 2-й Московский медицинский институт. В декабре 1917 г. вернулась из Москвы, работала в губисполкоме, в марте 1918 вступила в партию [**ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 340.**].**
[13] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 368. л. 3.

что читала отцу письма, потому что была школьницей[1]. З. С. Бурова, вскользь упоминала, что в 1918 г. в Бузулуке была открыта школа имени III Интернационала - «в эту школу я и поступила учиться в 5 класс»[2], без пояснений, как она получила знания за начальную школу. Сходным образом, П. Жук, сообщавшая, что в семье не было средств на учебу, писала затем, что она сдала экстерном за 5 классов гимназии, после чего стала учиться там, как все[3].

Если говорить об их взглядах и оценках происходившего, то единой позиции, разумеется, нет и быть не может. Ю. А. Левада, рассуждавший о поколении революционного перелома, высказывался в том смысле, что, будучи одним поколением, люди все же различались ментально; он разделял их на активных участников происходившего и т.н. «жертв» переломного периода – вынужденных существовать [7]. Применительно к нашей теме, наблюдается более сложная картина. Прежде всего – «жертвы», видевшие от гражданской войны только страдания: «Казаки, угрожая расстрелом, выясняли, где муж – но я ничего не сказала, только после этого переживания я стала припадочная и сейчас при сильном волнении у меня припадки и я психобольная» (М. И.Шестакова)[4]; «угрозами расстрела и ружейными выстрелами были перепуганы дети: сын 12 года и дочь 3-х месяцев, после чего сын проболел два года и умер, а дочь осталась калекой (страдает пляской С. Витта), сама страдаю нервной болезнью, потеря трудоспособности – 65 проц» (С. Катина)[5]; «сама и муж были избиты нагайками: муж после этого повесился» (Е. Вертяева)[6]; «Три раза наше село было захвачено белогвардейцами и каждый раз нам не было покоя: белогвардейцы делали обыск, искали листовки, все переворачивая в доме вверх дном. Все эти ужасы привели к тому, что я и мои дети от переживаний потеряли здоровье: сын заболел туберкулезом и в 1938 году скончался» (М. Гребенникова)[7]; летом проходили части Красной Армии, «забрали в обоз с лошадью» (Фомина А. Ф.)[8]. Л. И. Наумова (1900 г. р.), отвечая на вопрос о боях за Орск, сообщила только, что в пос. Новоорский они сидели во дворе с детьми, и прилетевший снаряд убил «мою одногодку Гладкову Пелагею, дочь атамана с ребенком»: «а мы, казачки, хоронили Гладкову П. В. с ребенком, и плакали, празднуя Благовещение 1919 года»[9]. Все, писавшие так, относятся к группе «А».

Те, кто испытали на себе эксплуатацию, но по возрасту не успели испытать «бабью долю» (условно выделенная нами подгруппа в группе «Б»), обязательно подчеркивали возникшую уже тогда свою внутреннюю готовность к борьбе: «Когда близко не было жандармов, мы тихо напевали «Вставай, поднимайся рабочий народ, берите дубинки и бейте господ» (А. И. Назарова)[10].

Большинство авторов групп «А» и «»Б» признавало свою политическую неразвитость и отсталость, до определенного момента. Причины роста сознательности варьировались. Во-первых: «воспитала тяжелая жизнь в простой рабочей семье, а также люди, рядом с которыми работала» (А. Кожина)[11]. Сюда же отнесем упоминания о влиянии старших братьев и отца, которые, конечно же, были, как рабочие, революционно настроены[12]. Во-вторых, под влиянием

[1] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 92.
[2] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 533. Л. 2 об.
[3] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.
[4] ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 168. Л.18.
[5] Советская степь. 1924. 14 ноября.
[6] Там же.
[7] ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 172. Л. 6.
[8] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 75. Л. 75.
[9] АОКМ. Д. 11/31.Л.2.
[10] ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 175. Л.1.
[11] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 518. Л. 23-24.
[12] Данилова, сестра Д. Блиничкина, руководителя Крестьянского союза: брат «разъяснил мне значение революции и что она дает народу… с этого момента я почувствовала и поняла правоту борьбы трудящихся» [ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 578.Л. 93]

революционеров. М. Макарова-Мутнова, первый губкомиссар призрения, писала позднее: «большое впечатление произвела на меня встреча с людьми, которые смело говорили про жестокость царя, про эксплуатацию рабочих, звали на борьбу с врагами рабочего класса. У этих сильных и смелых людей я научилась ненавидеть царя и его опричников, здесь я получила первые уроки революционной борьбы»[1]. Сходным образом заявляла А. В. Каргина: «До 1917 г. в революционной деятельности участия я не принимала. С февральской буржуазной революции я целиком отдалась революционной работе. Главным образом потому, что встретилась с товарищами революционерами большевиками: Лобовым, Мартыновым и др. Вот они направили меня по большевистскому пути»[2]. Этот путь отмечался чаще всего.

И, наконец, в-третьих, просвещение в рядах комсомола – это вариант самых молодых из группы «Б»: «все мы были молодые… и в политике не разбирались» (Волкова)[3]. Здесь воздействие было многоплановым; и семья, и реальность, и политическое просвещение: «большевики были понятны, их рассуждения о причинах нужды были доступны нашему пониманию, т.к. корявую руку нужды мы чувствовали на себе каждый день, но видели и то, как живут буржуи, за счет недоедания рабочих. Они говорили о будущей жизни, которой добьется при Советской власти беднота и это увлекало наше воображение, а лозунг «Мир хижинам, война дворцам» возбуждал нас и звал к деятельности. На нашу приверженность к большевикам огромное влияние оказывало еще и то, что отцы, старшие братья и близкие родственники многих из первых комсомольцев были большевиками или сочувствовавшими им»[4].

Воздействие наблюдалось со стороны мужчин – ни одна из авторов не называет своим наставником другую женщину. Общество было мужское; мужское влияние доминировало; женщине традиционно отводилась вторичная роль – и в условиях революции, и позднее; традиция все же существовала[5].

Т. И. Трошина в публикации с показательным названием «Как нитка за иголкой» полагала, что «женщины-простолюдинки» «приходили в революцию» под воздействием мужей: «нарушение женщиной социально одобряемого поведения происходит обычно под влиянием близкого мужчины, из стремления соответствовать ему, быть верной подругой. Подобные действия в большинстве случаев не были результатом сознательного выбора. Как правило, женщина в своих поступках отвечала требованиям, которые предъявлял к ней муж» [13, с. 78]. Нам приходилось встречать суждения в пользу этого тезиса. Так, А. Е. Курилова писала: «В царское время нередко к моему мужу собирались товарищи и таинственно обсуждали политические вопросы. Я тогда ничего не понимала из того, что говорилось на этих собраниях. Февральская революция и гражданская война, а также разъяснения мужа открыли мне глаза и я активно начала работать на дело революции»[6]. Сюда же можно отнести свидетельство Марии Рахманиной: «В 1917 г. во время организации Красной гвардии я уже по предложению мужа начала принимать участие в работе. Прежде всего я несла тщательный караул и разведку во время происходивших в нашей квартире собраний организаторов Красной гвардии, целыми ночами я зорко охраняла эти нелегальные заседания, прислушиваясь к каждому шороху на улице»[7]. Возможно, Т. И. Трошина имела в виду данный путь как один из вариантов; но никаких уточнений об иных сделано не было; хотя вполне уместно задать вопрос о незамужних, вдовах и т.д. Кроме того, в изученных

[1] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 243. Л. 14.
[2] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 175. Л.1.
[3] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 214. Л.1.
[4] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 539. Л. 27.
[5] Так, А.Е. Курилова писала: «Вообще положение женщин было тяжелое, их и за людей не считали, одно звание «бабы». О нас было немало позорных поговорок, вроде «у бабы дорога – от печки до порога», «курица не птица – баба не человек». Основная масса женщин были домашними хозяйками» [ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 368. Л. 23].
[6] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 368. Л. 37.
[7] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 210. л.6

нами мемуарах, есть примеры действий мужей, которые никак не попадают под выражение про нитку и иголку. Упоминаемые выше события ночных караулов Марией Рахманиной относятся к концу осени; женщина, проводящая ночи на улице, вызывает прежде всего сочувствие и ощущение жесткости ее мужа. И это вовсе не единственное свидетельство. М. Землянская, жена комиссара, описывала отступление большевиков из Оренбурга летом 1918 г. – муж оставил ее с тремя детьми: «он был очень далек и чужд к моему горю, революция его окончательно оторвала от семьи. Он не мог понять меня – той тяжести, которую возложил на мои плечи. С собой брать он никак не хотел, а остаться в городе, в котором тебя знает каждый, как жену комиссара, почти немыслимо, да еще с 3 детьми и без копейки денег. Кто-то из уезжающих, видя мою мольбу, сжалился надо мной и предложил взять меня, но мой муж был неумолим. В отчаянии я кинулась обратно домой к детям»[1]. Еще свидетельство – активистка А. Ф. Черненко рассказывала, как они приводили в порядок выделенный им под женсовет дом: «Поскольку я была уже замужем, то на эти дни попросила свою сестру Феню готовить мужу обед, чтобы не было дома неприятности. Муж все время ворчал, что я работаю по ремонту помещения. Кода на четвертый день муж узнал, что я отнесла из дому мешки для мытья полов и известь, то он меня избил. Мне не удобно было идти на другой день работать, т.к. у меня были синяки, пошла за меня сестра работать, сказав им, что мне что-то не здоровится»[2]. В другом тексте она сообщала: «Как не старалась угождать требовательному мужу, всё равно скандалы, издевательства… Один раз мне нужно было идти, знаю, меня ждут в райкоме с отчетным докладом а муж выпимши, кормлю его обедом, он говорит мне всё тоже, что я должна бросить все общественные работы, я только сказала пусти меня сегодня меня ждут в райкоме с докладом и он стал бить меня, в это время пришла Легостаева Маша её послали за мной, а он её выгнал. Легостаева пришла в райком и всё рассказала»[3]. Все это она объясняла тем, что муж находился под влиянием старшего брата и его жены Лукерьи – «женщина часто любила выпить и подпаивала своего и моего мужа, осуждая меня на общественной работе: стриженная, в красной косынке и т.д.»[4]. Тем интереснее, как Анна Черненко отзывалась о своем муже: «он старше меня на 9 лет, красногвардеец, член партии с 1918 года, честный, справедливый, требовательный, отзывчивый к товарищам и исполнительный»[5]. Упомянутый эпизод с избиением в присутствии другой активистки, имел последствия: «Через месяц из Оренбурга прибыла парттройка, вызванная райкомом партии, общественный суд. На суде его спросили: «будете вы в дальнейшем бить и притеснять жену из-за общественной работы, он помолчал и ответил не знаю»; «принимая во внимание его участие в Красной гвардии ему вынесли строгий выговор с предупреждением»[6]. Подобные свидетельства ставят под сомнение всеобщность суждения о положительном влиянии мужей. Мы полагаем, что вопрос следует ставить шире – о влиянии на женщин мужчин-партийцев и использовании их в своих целях.

В своем стремлении показать свое участие в революции и соответствующие заслуги, женщины-мемуаристки сообщали факты, которые на современном этапе воспринимаются неоднозначно: женщинам поручались действия, достаточно рискованные как с моральной точки зрения, так и порой сопряженные с жертвенностью. Е. П. Белова-Грызлова была вхожа в дом пристава – дружила с его племянницей: «ловила сведения, что касались нашей организации, поручения стражникам и т.д. Передавала все нашим, и [они] своевременно устраняли неприят-

[1]ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 215. Л. 59.
[2]ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 44.
[3]АОКМ. Д. 3/49. Л.2.
[4]АОКМ. Д. 3/49. Л.1.
[5]ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 44.
[6]ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 32.

ности»[1]. В августе 1917 г. шестнадцатилетнюю А. Назарову местные большевики устроили разносчицей извещений к грядущему голосованию в Учредительное собрание: «Взрослых рабочих не возьмут, а если возьмут, то за ними будут следить, а ты несовершеннолетняя, на тебя не будут обращать внимания, а дело сделаешь большое» - в итоге «всем кому приносила, говорила, чтобы голосовали за большевиков»[2]. М. А. Сосорева-Епифанцева рассказывала, что осенью 1917 года к ней пришел доктор Мискинов (один из руководителей местных большевиков) и «предложил мне стать машинисткой у отца Дурова … с тем, чтобы я ему передавала, кто бывает, и что говорит»[3]. Осенью 1917 г. в рамках подготовки к будущему выступлению большевиков в Оренбурге, был создан подпольный санитарный отряд. Вера Кривенко училась на 3 курсе фельдшерско-санитарной школы и воровала для отряда медикаменты в психбольнице[4]. Когда к Бузулуку приближались чехи, то командир отряда железнодорожников приказал телеграфистке О. Калугиной оставаться «до последнего момента»: «до отхода последнего нашего эшелона, наблюдай за всем и сумей мне сообщить в Погромное, после аккуратно уходи сама»[5]. В итоге ей пришлось скрываться в занятом белыми городе. В 1919 г. на станции Акбулак М. Кузнецовой и С. Антоновой партийная ячейка поручила раздать белым солдатам листовки, призывающие их перейти на сторону Красной Армии. Затем они были обе посланы отрезать путь белому бронепоезду: «ночью подползли, отвинтили два полотна и оттащили рельсы в овраг»[6].

Красные неоднократно прибегали к посылке женщин-разведчиц: «Наши делегатки участвовали и в разведках, я, например, сама ездила в разведку за 90 верст»[7]. Рахманина Мария сообщала, что в ноябре 1917 г. она была послана в разведку в казачий поселок Берды, а в январе 1918 г. в разведку на Орский вокзал[8]. Д. С. Закопаева свидетельствовала: «Вместе с малолетними детьми ушла на Актюбинск и я. Но спустя некоторое время штаб Актюбинском фронта дал мне задание – пробраться в Орск, чтобы разведать положение, а затем со сведениями вернуться в Актюбинск. Все меры к тому, чтобы, приехать в город незамеченной, были приняты. Приехала ночью и успела связаться с некоторыми семьями красногвардейцев. Но белогвардейская охранка узнала о моем приезде. На следующий день я была арестована. Во время допросов меня пытали, требуя сведения, но я ничего не сказала. Большую моральную помощь в тюрьме мне оказала Борисова - тоже арестованная. Она наладила связь с населением и нам передавали пищу, записки. Чудом удалось избежать расстрела»[9]. Сходно у К. М. Гургуловой: «Меня арестовали, возили по селам, устраивали митинги, смеялись надо мной, судили и дали расстрел. Опустили в подвал как красногвардейку, избивали меня, издевались, конечно, не знаю каким образом очутилась на свободе, была искалеченная»[10]. Некоторым везло меньше: молодая девушка Мария Корецкая - разведчица красных, схваченная и казенная белоказаками, стала одной из самых знаковых фигур в пантеоне погибших борцов за советскую власть в Оренбуржье. Участник

[1]Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф.2554. Оп.1. Д. 1031. Л. 2.
[2]ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 93. Л. 3.
[3]ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 75. Л.17.
[4]ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 221. Л. 1-3.
[5] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 109. л. 144.
[6]Давно минувшие годы: из воспоминаний персональной пенсионерки, члена КПСС с 1920 года Марии Илларионовны Кузнецовой // Красный Октябрь (Пономаревский район, Оренбургская обл.). 1957. 7 июля.
[7] Делегатки в борьбе за Октябрь и новую жизнь. К 10-летию отделов работниц и крестьянок. На вечере воспоминаний. Революционный путь т. Аскольдовой, б. учительницы пос. Можаровского // Смычка. 1928. 31 августа.
[8] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 210. Л.6.
[9] Закопаева, Д. С. Дорогие воспоминания. // Орский рабочий. 1957. 5 октября.
[10] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 210. Л. 6.

ее отправки оставил свидетельство, что девушка пала жертвой «неумелой организации посылки в разведку»[1].

Впрочем, пренебрежительное отношение к женщинам сохранялось и в дальнейшем – на что также обращали внимание мемуаристки. Проводившая агитацию среди крестьянок, М. П. Болгарцева указывала, что «собрания женщин проводились только днем; вечерами было опасно, т.к. из-за углов домов частенько забрасывали камнями, а некоторые мужья и за посещение дневных собраний били жен»[2]. А. Е. Курилова описывала, как они, несколько девушек, в 1922 г. поехали учиться в Воронежский сельхозинститут. Их встретили «шумным диспутом на тему «Место ли женщине в высшей сельскохозяйственной школе?» И участники диспута пришли к единодушному выводу, что не место, так как девушки поступают в институт только затем, чтобы выйти замуж. Характерно, что это мнение разделял тогда даже секретарь партийной ячейки». Позднее, в 1927 году, оренбургский губернский агроном отказался брать ее на работу, заявив, что «ему женщина агроном не нужна»[3]. Анна Черненко писала, что после Великой Отечественной войны, когда она была депутатом горсовета в Орджоникидзе, «муж не находил нужным помогать, напротив очень требовательный, и против моей общественной работы, даже если хотел пить, то я должна ему подать, а он сидит газету читает, так что домашние дела делались ночами, топила печь, стирка и т.д. даже в колонку далеко ходить за водой»[4].

Собственно, мы так и не видим осознанного прихода женщин к революционной деятельности под влиянием мужей, скорее речь может идти о манипулировании ими. Обращает на себя внимание, что действительно активистками становились вдовы – вероятно, потеря традиционной опоры вынуждала искать иные возможности: «До [19]20 года я ни в какой работе не участвовала, во-первых, я все время была окружена малолетними детьми и домашностью» - затем муж и дети умерли и появилась «возможность быть полезным членом общества» (З. В. Каргина)[5]; Мария Кузнецова становится большевичкой после смерти детей и гибели мужа[6]. О своем приходе в активистки М. Землянская сообщала, что в 1919 г. она вернулась домой в Оренбург без мужа на пепелище сгоревшего дома: «Лишившись с переездом на квартиру маленького хозяйства я занялась общественной работой… сильно меня агитировали Манюкова Мария и Тарасова, записали в партию и принесли парт билет, тут я с головой окунулась в партработу… Матери жадно принялись за грамоту оставляя дома детей, а они врывались в класс, звали домой, жалуясь на холод и голод… Мать с охотой шла на работу общего блага, не слушая крик своего ребенка»[7].

Другое дело – девушки возраста условной группы «Б». Это было не просто следующее возрастное поколение, хотя его можно назвать и так. У них уже было иное видение происходившего, иное понимание себя в происходящем, иные возможности, ценности и правила. Многие из них оставили развернутые повествования о своей комсомольской юности в первые годы существования коммунистического союза. По понятным причинам, вспоминали они о своей молодости с большим эмоциональным подъемом, рассказывая о возможностях, которые им дали комсомол и советская власть. Обязательным элементом повествования были утверждения об изначальной вере в революционные идеалы и рассказ о представившиеся возможностях бытия при новом строе. В реальности политическая неграмотность была присуща и им: «все мы были

[1] Ее отправили днем, у всех на глазах, прямо от штаба, подсадив к случайному татарину-вознице. При встрече с казаками, возница прямо ответил: «девка штаб давал» [ОГАОО. Ф. 2837. Оп.1. Д. 149. л. 1-3.].
[2] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 109. Л.3.
[3] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 368. Л.15.
[4] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л.15.
[5] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 329. Л. 24.
[6] Давно минувшие годы: из воспоминаний персональной пенсионерки, члена КПСС с 1920 года Марии Илларионовны Кузнецовой // Красный Октябрь. 1957. 7 июля.
[7] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 215. Л. 62.

молодые… и в политике не разбирались»[1]; «мы были все за Ленина, за его идеи. А тут бог, в которого мы верили не меньше, чем в Ленина. В своих мыслях мы никак не могли допустить, чтобы такой вождь простого народа, каким был Ленин, мог не верить в бога» (М. Новоковская)[2]; комсомольский актив был командирован в совпартшколу «и многое открылось перед нами. Мы ближе познакомились с Лениным, как организатором партии и вождем пролетарской революции, Марксом-Энгельсом, с задачами партии и советской власти в построении социалистического общества» (М. В. Закопаева)[3].

Возникшую возможность ухода от прежней, грозящей неотвратимой заданностью, матрицы женского бытия можно было бы отнести к положительным последствиям социальных перемен, если бы не сопутствующие процессу отрицательные моменты. Прежде всего, это навязываемый новой властью курс на разрушение семьи и поощрение ухода молодежи из семей: «Вспоминаем особенно большую работу по вовлечению девушек в комсомол, которые находились в полной зависимости неграмотных, религиозных родителей. Последние запрещали девушкам ходить на собрания и вступать в комсомол, говоря, что в комсомол идут девушки с дурным поведением, там только развращаются»[4]. И. Копылова прямо писала о «трудностях морального порядка»: «враждебные элементы пытались очернить недостойным якобы поведением в быту нас как женщин. … «небылицы и сплетни позорящие нашу девичью честь»[5]. О «разврате» по понятным причинам, в мемуарах нет и намека; мы склонны понимать это несколько иначе – как действия, противоречащие традиционным представлениям окружающих. Е. Сергеева с гордостью писала позднее: «не опасаясь родительского гнева или ремня мы «свергали» с вековых пьедесталов богов и кумиров прошлого»[6].

Отказ от обязательного «женского» неизбежно приводил к освоению «мужского»: возможно, по причине своего понимания декларируемого равенства полов, а возможно, и по причине деформации сознания: А. С. Неверова с гордостью сообщала, что летом 1918 г. ей «приходилось выезжать в села по заданию уездкома партии вместе с оперативной группой на облавы, и усмирение кулацких восстаний»[7]; шестнадцатилетняя П. Версонская с гордостью вспоминала: «Немало белогвардейцев выявили мы, прибегая к помощи детей, молодежи, которые сообщали нам их места и укрытия. Мы их уничтожали»[8]; семиклассница Пэра Жук, не слушая мать, убегала из дома, чтобы уехать в эшелоне красных, оставлявших город Оренбург[9]; двенадцатилетняя Маша Закопаева, полная, по ее словам, «чувства ненависти, к тем, кто нарушил наш дет-

[1] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 534. Л.9.
[2] Советская степь. 1924. 14 ноября.
[3] АОКМ. Д. 27/31. Л.19.
[4] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 518. Л.47.
[5] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 578. Л. 38,39.
[6] ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 20.
[7] НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп.1. Д. 995. Л. 19.
[8] ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 534. Л. 4.
[9] «Прочитав статью … под заголовком «Мы уходим, но мы еще вернемся», я поняла, что мне надлежит делать. Неужели я могу остаться в городе, куда вернутся белогвардейские офицеры, кадеты, владельцы кожевенных заводов, парикмахерских, ювелирных, часовых, шляпных магазинов и будут по-прежнему издеваться над трудящимся народом? Не будучи связана с партией, а комсомол не был еще организован, решила бежать из города, присоединиться к большевистской организации и помочь ей в трудные дни. Я схватила небольшой узелок самых необходимых личных вещей и побежала на вокзал. Мать, догадавшись о моем решении, со слезами на глазах, как бы навеки прощаясь со мной, кричала мне вслед: «Куда ты? Сейчас уже поздно, ты же еще девчонка, тебя по дороге подстрелят!». Меня ничто не могло остановить» [16].

ский покой», таскала у отца винтовку и тайно училась стрелять»[1], мемуаристка с одобрением упоминала активистку Назарову, забившую вальком раненого казачьего командира[2].

4. Заключение

На основе анализа имеющихся источников личного происхождения из «женской» среды мы заключаем, что для женщин в поколении «революционного перелома» следует выделить условно говоря, суб-поколение – рожденных в XX в. Наблюдается своеобразный водораздел возраста: более взрослые, испытавшие тяжелую работу, замужество и иные сложности бытия, и молодые девчонки 1900-х гг. рождения, воспринимавшие меняющийся окружающий мир и все происходящее как единственную реальность. Не ставя под сомнение факта существования идейных женщин-революционерок, сознательных членов партии и активных участниц преобразований в советской стране, сделавших карьерный рост в различных сферах новой жизни, мы, тем не менее, высказываем мнение, что массовым процесс вовлечения женщин старшей возрастной группы (группы «А») поколения «революционного перелома» называть нельзя.

Качественные перемены были напрямую связаны с иной моралью подрастающего поколения – идеи равенства были распространены в комсомольской среде, и потому в 1930-х гг. возможности женщин ощутимо расширились, хотя на практике пережитки в общественном сознании продолжали существовать. «Мужское» общество по своей сути не изменилось, взгляд на женщин «свысока» на местах был свойственен и коммунистам и советским работникам. Ознакомление с личными делами номенклатурных работников Оренбургской области второй половины 1930-х гг. (в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, фонд Ф. 371 (Оренбургский областной комитет КПСС)) показывает малочисленность женщин в номенклатуре (1-2%) и ограниченность круга их профессий.

Список источников и литературы

1. *Гражданская война в Оренбургском крае* : По воспоминаниям участников гражд. войны и документам. (1939) [Чкалов] : Чкал. обл. изд. 308 с.

2. Дмитриенко, Н. М. (2014). *Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920 – 1930-е гг.)* // Сибирские исторические исследования. № 3. С. 46-70.

3. *Женщины в революции* (1959): [Воспоминания]. М.: Госполитиздат, 471 с.

4. *Женщины Урала в революции и труде* (1963) : [Сборник воспоминаний] / [Предисл. канд. ист. наук Г. П. Рычковой]. Свердловск : кн. изд-во. 534 с.

5. *За власть Советов* (1957): воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье / сост.: А. Я. Борисов, А. Г. Мартынова. Чкалов : кн. изд-во. 308 с.

6. Комплеева, Л. Ю. (2011). *Мероприятия советской власти в области охраны материнства и детства и их влияние на социокультурный облик крестьянства в период нэпа (на примере Среднего Поволжья)* // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. № 23. С. 468–470.

7. Левада, Ю. А. (2001). П*околения XX века: возможности исследования* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (55). С. 7-14.

8. Моргунов, К. А. (2006). *Практика раскрепощения женщин на Южном Урале в ходе реализации советской национальной политики в 1920-е гг.* // Вестник ОГУ. № 2. Том 1. Гуманитарные науки. С. 83-86.

9. Морозова, О. М., Трошина, Т. И. (2016). *Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин* // Новейшая история России. № 2. С. 8-28.

10. Сафонов, Д. А. (2021). *Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники:* монография. Оренбург: ОГУ. 311 с.

[1] АОКМ. Д. 27/31. .12.

[2] ОГАОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 215. Л. 67.

11. Стайтс, Р. (2004). *Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930* / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 616 с.

12. Тарасюк, А. Я. (2011). *Реализация государственных мероприятий в области охраны материнства и младенчества в 1920-е годы (на материалах Зауралья)* / Вестник Челябинского государственного университета. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 55–60.

13. Трошина, Т. И. (2013). *«Как нитка за иголкой»: Приход женщин-простолюдинок в революцию (по воспоминаниям женщин-работниц)»* : Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Мат-лы VI междунар. науч. конф. РАИЖИ. Нальчик; М.. С. 78-79.

14. Чирков, П. М. (1978). *Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.* М. : Мысль. 255 с.

15. Щербинин, П. П. (2019). *Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.)* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 24. № 179. С. 186-197.

16. *Юность комсомольская моя* (2019). [Электронный ресурс]: монография / Д. А. Сафонов, Е. Ф. Томина, О. В. Ягудина, Л. Т. Жайбалиева; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ., 259 с.

17. Buckley, Mary (1989). *Women and ideology in the Soviet Union* / Mary Buckley. New York etc. : Harvester Wheatsheaf. XIV, 266 p.

18. Clements B.E. (1982). *Working Class and Peasant Women in the Russian Revolution, 1917-1923*// Signs. 1982. Vol. 82. 32. P. 215-235.

19. Clements, Barbara Evans (1997). *Bolshevik women*. Cambridge, UK ; New York, NY, USA : Cambridge University Press. 338 p.

20. Heitlinger, A. (1980). *Marxism, Feminism and Sex Equality* (1980) // Yedlin T. (ed.). Women in Eastern Europe and the Soviet Union. N. Y. p. 9-21.

21. Lapidus, Gail Warshofsky (1978). *Women in Soviet society : equality, development, and social change.* Berkeley : University of California Press. 381 p.

22. McNeal, Robert Hatch (1972). *Bride of the Revolution : Krupskaya and Lenin* / By Robert H. McNeal. Ann Arbor : Univ. of Michigan press, Cop. 326 p.

23. Miroshkin, Vladimir (2014). *The emancipation of women in the peasant community in Russia of the 1920s': in the context of Mordovians* // Life Science Journal. Vol. 11, №6. p. 543-546.

24. Porter, Cathy (1988). *Larissa Reisner* / Cathy Porter. London : Virago. X, 195 p. (Virago pioneers).

25. Stites, R. *Kollontai, Inessa, Krupskaia* (1975). // Canadian-American Slavic Studies. Vol. IX(1). p. 84-92.

26. Wood, Elizabeth A. (1997). *The baba and the comrade : Gender and. politics in revolutionary Russia* (1997) / Elizabeth A. Wood. Bloomington; Indianapolis : Indiana univ. press, Cop. 318, [10] p.; (Indiana-Michigan series in Russian and East European studies)

References

1. *Grazhdanskaya vojna v Orenburgskom krae* (1939): Po vospominaniyam uchastnikov grazhd. Vojny I dokumentam [Civil war in the Orenburg region: According to the memoirs of civil participants. war and documents] [Chkalov]: Chkal. region ed. (In Russian)

2. Dmitrienko, N. M. (2014). *Tomskie zhenshchiny-krest'yanki v usloviyah social'nyh peremen (1920-1930-e gg.)* // [Tomsk peasant women in the conditions of social changes (1920-1930s)] In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya,* 3, 46-70. (In Russian).

3. *Zhenshchiny v revolyucii* (1959): [Vospominaniya] [Women in the Revolution] M. (In Russian).

4. *Zhenshchiny Urala v revolyuci i itrude* (1963) : [Sbornik vospominanij] Women of the Urals in Revolution and Labor (1963): [Collection of memoirs] Sverdlovsk. (In Russian).

5. *Zavlast' Sovetov* (1957): vospominaniya uchastnikov grazhdanskoj vojny v Orenburzh'e [For the power of the Soviets] Chkalov. (In Russian).

6. Kompleeva, L. Yu. (2011) *Meropriyatiya sovetskoj vlasti v oblasti ohrany materinstva I detstva i ih vliyanie na sociokul'turnyj oblik krest'yanstva v period nepa (na primere Srednego Povolzh'ya)* [Measures of the Soviet government in the field of protection of motherhood and childhood and their impact on the socio-cultural image of the peasantry during the NEP period (on the example of the Middle Volga region)] in Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. 23. 468–470. (In Russian).

7. Levada, Yu. A. (2001). *Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya* [Generations of the 20th century: research opportunities] in *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie I social'nye peremeny*. 5 (55). 7-14. (In Russian).

8. Morgunov K. A. (2006). *Praktika raskreposhcheniya zhenshchin na Yuzhnom Urale v hode realizacii sovetskoj nacional'noj politiki v 1920-e gg.* [The practice of women's emancipation in the Southern Urals during the implementation of Soviet nationality policy in the 1920s.] // In *Vestnik OGU*. 2. 1. 83-86. (In Russian).

9. Morozova O. M., Troshina T. I. (2016). *Zhenskij vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyuciya I grazhdanskaya vojna glazami i v sud'bah zhenshchin.* [A woman's view of men's work. Revolution and civil war through the eyes and destinies of women] In *Novejshaya istoriya Rossii*. 2. 8-28. (In Russian).

10. Safonov, D. A. (2021). *Epoha revolyucionnyh peremen pervoj chetverti XX veka v vospominaniyah sovremennikov: orenburgskie istochniki: monografiya* [The era of revolutionary changes in the first quarter of the XXth century in the memoirs of contemporaries: Orenburg sources: monograph.] Orenburg: Orenburg. state. un-t. (In Russian).

11. Stajts, R. (2004). *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860-1930* [The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930] M. (In Russian).

12. Tarasyuk A.Ya. (2011). *Realizaciya gosudarstvennyh meropriyatij v oblasti ohrany materinstva i mladenchestva v 1920-e gody (na materialah Zaural'ya)* [Implementation of state measures in the field of protection of motherhood and infancy in the 1920s (based on materials from the Trans-Ural region)] In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (216). 43. 55–60. (In Russian).

13. Troshina T. I. (2013). *«Kaknitka za igolkoj»: Prihod zhenshchin-prostolyudinok v revolyuciyu (po vospominaniyam zhenshchin-rabotnic)»* ["Like a thread behind a needle": The arrival of commoner women in the revolution (according to the memoirs of female workers)"] Nalchik; M. 78-79. (In Russian).

14. Chirkov P.M. (1978). *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917-1937 gg)* [The solution to the women's issue in the USSR (1917-1937)]. M. (In Russian).

15. Shcherbinin, P.P. (2019). *Ohrana materinstva i mladenchestva v pervoe desyatiletie sovetskoj vlast ina Tambovshchine (1918–1928 gg.)* [Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet power in the Tambov region (1918–1928)] In *VestnikTambovskogo universiteta*. V. 24. №179. 186-197. (In Russian).

16. *Yunost' komsomol'skaya moya* (2019). Orenburg. (In Russian).

17. Buckley, Mary (1989). *Women and ideology in the Soviet Union* / Mary Buckley. New York etc. : Harvester Wheatsheaf. XIV, 266 p. (in English).

18. Clements, B. E. (1982). *Working Class and Peasant Women in the Russian Revolution, 1917-1923*// Signs. 1982. Vol. 82. 32. P. 215-235. (in English).

19. Clements, Barbara Evans (1997). *Bolshevik women*. Cambridge, UK ; New York, NY, USA : Cambridge University Press. 338 p. (in English).

20. Heitlinger, A. (1980). *Marxism, Feminism and Sex Equality* (1980) // Yedlin T. (ed.). Women in Eastern Europe and the Soviet Union. N. Y. p. 9-21. (in English).

21. Lapidus, Gail Warshofsky (1978). *Women in Soviet society : equality, development, and social change.* Berkeley : University of California Press. 381 p. (in English).

22. McNeal, Robert Hatch (1972). *Bride of the Revolution : Krupskaya and Lenin* / By Robert H. McNeal. - Ann Arbor : Univ. of Michigan press, Cop. 326 p. (in English).

23. Miroshkin, Vladimir (2014). *The emancipation of women in the peasant community in Russia of the 1920s': in the context of Mordovians* // Life Science Journal. Vol. 11, №6. p. 543-546.

24. Porter, Cathy (1988). *Larissa Reisner* / Cathy Porter. - London : Virago. X, 195 p. (Virago pioneers). (in English).

25. Stites, R. *Kollontai, Inessa, Krupskaia* (1975). in Canadian-American Slavic Studies. Vol. IX(1). P. 84-92. (in English).

26. Wood, Elizabeth A. (1997). *The baba and the comrade : Gender and. politics in revolutionary Russia* (1997) / Elizabeth A. Wood. Bloomington; Indianapolis : Indiana univ. press, Cop. 318, [10] p.; (Indiana-Michigan series in Russian and East European studies) (in English).